

После взрывной битвы Сорена и Рафаэля мало кто осмелился бросить вызов первой сцене и убежал искать более легкую цель.

Первая сцена была не единственной с такой проблемой. Седьмая и двенадцатая сцены, две из четырех, на которых оставались стартовые бойцы также имели мало претендентов, на других же сценах, кроме третьей, участники были побеждены сильными соперниками.

Конечно, Бриок Лорье стоял с самого начала и, его избегали другие бойцы. Несмотря на то, что он также демонстрировал огромную силу, главная причина, по которой его избегали, заключалась в его кровавой манере боя. Раны без остановки врезались в кожу противника и его собственную, но он даже не колебался и продолжал атаковать, маниакально смеясь.

Он действительно заслуживал звания «сумасшедшего», которое ему дали вместе со Святой Смерти Селин.

Наблюдатель бросил на Сорена полусерьезный взгляд, немного удивленный тем, что он дошел до конца, и сказал ему:

«Следующий раунд начнется завтра днем».

«Хм», – Сорен кивнул в ответ, сошел со сцены и остановился перед конкретным человеком в мантии.

«Что ты делаешь?»

Рафаэль лениво прислонился к стене и улыбнулся.

«Я здесь по кое-чьей просьбе».

«Эрлен и Винсент».

Принц сказал это с такой уверенностью, что даже Рафаэль удивился.

«О? Ты довольно умен. Да, кое-что случилось, и они попросили о помощи». Он не стал уточнять дальше, а Сорен не стал спрашивать. Это «кое-что», скорее всего, было еще одним неприятным событием.

«Тебя попросили участвовать в соревнованиях?»

«Конечно, нет, – сказал Рафаэль со смехом, – твоему брату тоже не нужно было соревноваться».

«Тогда?»

«Наблюдая за такой захватывающей битвой, разве это не пробуждает в тебе желание сражаться?»

Ну, Сорен не мог отрицать этого, не после того, как сражался так серьезно. Не то чтобы он жалел об этом – он бы серьезно отнесся к любому, кто вызвал бы у него такое желание. Хотя он избегал главных героев, несмотря на то, что знал, что они обладают такой силой, трудно было не откусить кусочек от блюда, выставленного перед тобой.

«Ну тогда, маленький принц, что ты здесь делаешь?» – с улыбкой поинтересовался Рафаэль.

Сорен пожал плечами и ответил:

«Играю».

«Ты что, не знаешь, что это за соревнование? – затем он взглянул на Дэмиена, который тихо стоял в стороне со знающим видом. – Ну, думаю, тебе не стоит беспокоиться об опасности».

Рафаэль в полной мере признал силу Сорена после их боя, даже если несколько раз его движения были рывками. Не говоря уже о том, что если он и не был уверен в истинной личности слуги принца, то бледнолицый подросток тоже был не прост. Молчаливая, пульсирующая аура убийства Дэмиена была понятна любому, кто был с ним знаком - и Рафаэлю это было чрезвычайно важно.

Он даже подумывал предупредить принца, поскольку не был настолько холоден, чтобы позволить кому-то умереть на его глазах, если бы мог помочь, но подросток остался на заднем плане без каких-либо реальных намерений. В нем не было даже искреннего желания защитить своего господина, лишь равнодушное спокойствие от наблюдения со стороны.

Младшему брату Винсента не угрожала реальная опасность, поэтому Рафаэль ничего не сказал.

«Ты думаешь о победе?»

Протагонист не верил, что этот человек придет просто так, чтобы «поиграть», как ему было заявлено ранее. Рафаэль не любил верить слухам, так как за всю его жизнь они чаще всего оказывались неверными.

Сорен кивнул.

«Есть ли смысл участвовать, если не ради выигрыша?»

«Ах, но я участвовал и проиграл».

«Это была твоя собственная глупость».

Рафаэль улыбнулся, хотя его рука уверенно постукивала по мечу.

«Верно»

«Ладно, пока», – небрежно махнул рукой Сорен, не желая больше оставаться здесь после того, как получил нужный ему ответ.

Рафаэль сказал:

«Будь осторожен, маленький принц».

Сорен сделал паузу.

«Разумеется.»

«Это просто предупреждение, расслабься. Скоро в королевстве начнутся неприятности, и для тебя будет лучше их избежать».

«Меня это не коснется».

«Что?» – Рафаэль поднял бровь, когда Сорен наклонил голову, чтобы посмотреть назад, взгляд был незаинтересованным.

Он сказал просто:

«Я не скоро буду в городе».

«Куда ты планируешь пойти?»

«Куда-нибудь развеяться».

Выражение лица Рафаэля выражало явное недоверие, но Сорену было все равно. Технически, он действительно собирался развеяться во время отдыха. После того, как ситуация с детьми будет улажена, он исчезнет прямо в этом городе и найдет, куда пойти. Если бы кто-то поинтересовался, он бы придумал слух, что исчез на туманной горе, откуда нельзя было выйти, едва ступив на нее.

В это время Дэмиен, скорее всего, тоже уйдет со своего поста, разобравшись с беспорядочными внутренними делами своего племени и основательно уничтожив того интриганского ублюдка-вождя, который посмел продать детей.

Бедняга.

Хотя этот человек не заслуживал никакой пощады за свои преступления, Дэмиен заставил бы его пожалеть о том, что он вообще родился, простым движением руки и тихим хрипом из горла. Подросток, бледный и стройный, не позволял тем, кто предал его, жить спокойно даже в аду.

Даже злодея можно было пожалеть.

Конечно, это будет уже потом. Этот человек заслужил это, связавшись с племенем, которое возглавлял дьявольский лис.

«Ты не устал?» – спросил Рафаэль.

«Очевидно», – хмуро ответил Сорен.

Рафаэль на мгновение уставился на него, прежде чем задаться вопросом:

«А ты правда не такой, как говорят все эти слухи?».

«Ты им доверяешь?»

«Слухи всегда существуют по какой-то причине, будь то потому, что они на самом деле правдивы, или по другим причинам».

«Слухи правдивы. Некоторые преувеличены, чтобы оклеветать мое имя», – спокойно ответил Сорен, ничуть не изменив своего выражения лица. Любому было ясно как день, что Рафаэль высказывает свои подозрения, и ничто из того, что Сорен или кто-либо другой может сказать, не прояснит эти подозрения.

Человек не смог бы прожить столько жизней, если бы был наивным. Или, точнее говоря, наивный человек не смог бы, прожив столько жизней, не измениться.

Однако именно с этим извращенным героем справедливости было труднее всего иметь дело. Сорен отвернулся и пошел прочь, не потрудившись узнать, хочет ли Рафаэль сказать что-нибудь еще. Он признал, что бой был приятным, разбудив его больные нервы, которые работали на полную мощность каждый день во время апокалипсиса, но это все, что было.

Все, чем это когда-либо будет.

«Хм, понятно. Ну тогда, наслаждайся остальной частью соревнований, – сказал Рафаэль, отталкиваясь от дорожки ногой с взмахом руки. – Развлекайся, маленький принц».

Сорен смотрел, как он уходит, затем повернулся, чтобы направиться обратно в свою комнату.

Кроме того, Дэмиен с любопытством наблюдал за происходящим. В конце концов, динамика между двумя людьми, которые были осторожны и в то же время беспечны друг с другом, была уникальной.

По возвращении в комнату, Лок уже проснулся и свернулся калачиком в углу кровати Сорена, настороженно глядя на дверь измученными глазами. Его состояние было явно плохим, но он протянул руку к сестре, которая сидела рядом с ним, а его взгляд был злобным и подозрительным.

Сорен посмотрел на него, потом на девочку и сказал:

«Мне не так скучно, чтобы избивать ребенка».

Однако жесткость Лока не ослабла, и Сорен не сделал никакой попытки показаться более приветливым. Он не был так жесток с детьми, но в конце концов им все равно придется столкнуться с реалиями жизни. Он не собирался нянчиться с ними, какими бы жалкими они ни были.

Хотя Сорен не считал, что этих детей нужно жалеть. Они были лишь одними из многих, выживших в этом жестоком мире. Их стоило уважать, если уж на то пошло, но не жалеть.

Кэт поджала губы и осторожно взяла брата за руку.

«Брат, брат, этот господин - хороший человек, хорошо? Он сказал, что поможет...»

«Тише, Кэт. Ты должна быть...»

Внезапно приступ кашля заставил его перевернуться на спину, а на глаза навернулись слезы от жгучей боли. Он продолжал кашлять еще некоторое время, пока Сорен махал Дэмиену рукой.

Когда мальчик закончил кашлять, Дэмиен шагнул вперед и протянул ему стакан воды.

Мальчик оскалился из-за своих костлявых рук и прорычал:

«Я не буду это пить!»

Дэмиен спокойно посмотрел на него.

«Это хорошо, что ты не наивен, но ты действительно хочешь умереть?».

«.....»

«Неужели ты не осознаешь своего нынешнего состояния? Даже если ты не боишься умереть, неужели ты думаешь, что твоя сестра сможет жить одна без тебя? Неужели ты намерен бросить ее ради своей глупости?»

Тишина заполнила воздух, когда Лок посмотрел на свою сестру, которая все еще тянула его за руку, а затем на двух людей перед ним. Это была правда, к смерти он уже был готов, пока жил в трущобах. Он ежедневно играл в перетягивание каната с жизнью и смертью, ходил по тонкому канату, который мог оборваться в любой момент.

Это было очень утомительно. Особенно для ребенка, который почти ничего не умел делать, на которого взрослые смотрели с отвращением или презрением. Но это стоило того, чтобы бороться, жить с сестрой.

Он думал, что ради нее он не против умереть. Но после того, как он так долго пытался защитить ее, могла ли она действительно жить сама по себе? Кэт была сильной и решительной, в ней было то неповторимое отчаяние жизни, которое было присуще большинству детей из трущоб, но как далеко она могла зайти?

Наблюдая за меняющимся выражением лица мальчика, Сорен взглянул на Дэмиена. Как и ожидалось, подросток умел задавать дюжину вопросов и добиваться ответа от собеседника. Ни один из них не прервал мысли Лока: Дэмиен уже знал, о чем думает ребенок, а Сорену было все равно.

Это был их выбор, и Сорен не стал бы вмешиваться, если бы не хотел.

Через несколько мгновений Лок нахмурил брови и уставился на стакан с водой широко раскрытыми глазами, так, что можно было подумать, не разобьется ли он. Он медленно протянул окровавленные пальцы, затем отдернул стакан, поспешно вытер его о тряпки и взял в руки. Он осторожно лизнул воду и, убедившись, что в ней ничего нет, проглотил ее большими глотками.

Хлынувшая вода застряла у него в горле, и он снова разразился приступом кашля. Это было довольно забавное зрелище, и Дэмиен с любопытством наблюдал за ним.

С другой стороны, Сорен шагнул вперед.

«Если ты решил продолжать жить, не убивай себя водой».

«.....»

Лок выглядел немного смущенным, когда закончил приступ кашля, отвернулся и медленно отпил воды. Когда он наполовину закончил, он передал стакан Кэт.

«Выпей все», – твердо сказал Сорен.

«Но...»

«Выпей».

Лок нахмурился и покачал головой.

«Я не могу просто выпить все это, когда Кэт...»

«Дэмиен, – просто сказал Сорен, и через несколько секунд бледный подросток вышел вперед с

другим стаканом воды и протянул его девочке. – Выпей все это и не волнуйся. Я богат».

«...?» – Лок наклонил голову в замешательстве, беспорядочные кудри упали набок.

«Это значит, что я могу дать тебе воды на целое озеро, так что пей ее всю», – невозмутимо объяснил Сорен.

Дэмиен повернул голову и посмотрел на Сорена слегка оценивающим взглядом. Разве его хозяин не был полностью разорен после аукциона? Хотя он беззастенчиво запросил больше денег, его средства все еще были ограничены.

Однако равнодушный принц проигнорировал пронзительный взгляд. Он был богат, просто это были не его деньги. В конце концов, это было одно и то же. С другой стороны, двое детей смотрели на него глазами, полными удивления и изумления, даже за их внимательными взглядами.

Целое озеро воды? Для них Сорен был подобен богоподобному существу. В большинстве дней им не удавалось найти ни капли воды, разве что во время дождя или когда они пробирались на кухню, чтобы украсть воду из крана. Невероятно. Этот благородный человек перед ними чувствовал себя богатым, как король!

Хотя у них не было понятия о богатстве, а Сорен и вовсе был без гроша в кармане, он принимал поклоняющиеся взгляды.

Когда дети закончили пить воду, он спросил:

«Итак, что вы хотите делать?».

«А?»

«Твоя сестра просила о помощи, а теперь я обращаюсь к тебе. Ты хочешь помощи?»

«.....» Лок уставился на одеяла, его руки опустились, когда он крепко обхватил их. После долгих лет жизни в одиночестве было трудно рассчитывать на помощь другого человека. Особенно после всех интриг взрослых, которые он видел, и тьмы, которая существовала в его маленьком мире.

Не говоря уже о...

«...я не хочу этого говорить».

«Ты не хочешь или не можешь?» – Сорен не был уверен, поскольку гордость от того, что он выживает в одиночку, была чем-то, что он мог хорошо понять. Если мальчик не хотел говорить, он мог бы спросить Дэмиена, означает ли выражение лица мальчика, что он не может сказать или что он не хочет.

Однако Лок прикусил губу.

«Эй, мистер, вы действительно хороший?»

«Нет».

Лок удивленно вскинул голову.

«Что?»

Сорен нахмурился.

«Если я скажу, что я хороший, значит ли это, что я должен спасать мир или быть героем? Если так, то нет.»

«Но...»

«Хороший я или плохой, я сказал, что помогу вам, и я помогу. Это все, что тебе нужно знать».

Это был странный способ утешить осторожного ребенка, не то чтобы Сорен действительно пытался. Тем не менее, этот способ помог Локу чувствовать себя более комфортно. Чаще приходилось видеть улыбающегося взрослого, который давал всякие сладкие обещания, а на деле оказывался злым и жестоким. Внезапно в глазах Лока появилась новая решимость, и он сказал:

«Пожалуйста, помогите мне».

«Хорошо, - непринужденно сказал Сорен, присаживаясь на край кровати и скрещивая ноги. - Итак, в чем тебе нужна помощь?»

«Я...»

К тому времени, когда рассказ был полностью закончен, прошло уже несколько часов. Лок понимал язык этого мира не лучшим образом, так как всю жизнь прожил в трущобах, хотя и немного лучше, чем Кэт. Большинство его слов были просты и собраны воедино, в то время как некоторые фразы он произносил с нескольких попыток.

Однако Сорен все понимал и слушал, ничего не говоря. Дэмиен тоже слушал молча. Это молчание, которое для некоторых было бы некомфортным, помогло Локу чувствовать себя более спокойно, когда он заговорил.

В детстве многие отказывались его слушать или перебивали, когда он пытался что-то спросить, а несколько раз из-за его внешности его прямо били о землю, прежде чем он успевал что-то сказать.

Как и следовало ожидать, о нем узнала Третья Религия.

Лок и Кэт были сиротами, сколько себя помнили: их мать бросила Лока в трущобах в раннем возрасте, а через два года оставила Кэт. Мальчику повезло, что вначале ему помогали, хотя и немного, и он сумел выжить.

Когда он увидел Кэт, то инстинктивно понял, что она его сестра, и взял ее к себе. С тех пор они ежедневно отправлялись в путь, пытаясь найти еду, избежать неприятностей и согреться.

Время от времени Лок встречал людей, которые пытались обмануть их, но у него было плохое предчувствие, и он всегда убегал. Были и такие, кто ловил его и бил, и такие, кто доносил на них как на воров, заставляя скрываться на некоторое время.

В один из дней Кэт случайно столкнулась с женщиной и испачкала ей юбку. В ответ женщина закричала и выкрикивала проклятия, обливая детей жгучим гневом. Лок вступился за них, принимая побои, пока не превратился в кровавое месиво, с разбитыми губами, истерзанным

телом и дрожью.

Так его нашла Третья религия.

Когда он снова открыл глаза, он находился в чистой, роскошной комнате с Кэт рядом. Он был еще слаб, но, как и в случае с Сореном, сохранял осторожность.

Только после разговора с размытой фигурой, которую он не мог вспомнить, как ни старался, какая-то его часть словно взревела, полная жизненной силы. Ему сказали, что он выиграл соревнование, и он не помнил, что было потом, только чувствовал, что по его венам бежит пламя, дающее ему несравненную силу.

Это было сладкое, затягивающее ощущение, которое затуманило его разум. Он знал только, что после этого у них с Кэт будет лучшая жизнь, что все будет хорошо, пока он побеждает.

Сознательная часть его разума заставляла Кэт держаться подальше, но он не был достаточно бодр, чтобы позаботиться о себе.

Таким образом, он потерял контроль над собой и был вырублен Сореном, очнувшись вскоре после этого в такой же комнате, как и раньше, только с более ясным разумом. Силовые методы, которыми Сорен вырубил его, каким-то образом вернули ему разум.

«Теперь ты очнулся, так в чем же тебе нужна помощь?»

Взгляд Лока переместился.

«Я не могу покинуть Религию».

«Что?»

Мальчик осторожно вытянул бледную, костлявую руку и показал знакомую татуировку на запястье, набитую чернилами.

«Я... я не могу вспомнить, но это... это значит, что я не могу уйти. У меня кружится голова, когда я думаю об уходе. Это больно.»

«... тск.»

Настроение Сорена ухудшилось. В его жизни было много мерзавцев, но те, кто заманивал детей, были худшим сортом. Не говоря уже о том, что Третья Религия продолжала оставлять следы своего присутствия везде, куда бы Сорен ни пошел, словно преследуя его как чума.

«Я уберу ее».

«А? – глаза мальчика расширились от удивления, в его взгляде мелькнуло волнение и замешательство. – Правда?»

«Да. Но хочешь ли ты, чтобы я это сделал?»

«Д-нет? – Лок несколько раз моргнул, уставившись на свои руки, в то время как его мысли все больше и больше путались. – Я-»

Чем больше он пытался говорить, тем бледнее становилось его лицо, пока он не вздернул голову вверх, глядя на Сорена с отчаянной мольбой и рухнул прямо на кровать в обморочном

состоянии.

Сорен сузил взгляд на татуировку.

Тихая, пульсирующая тьма, отчетливо проступающая на коже. Казалось, будто она живая, прислушивается, дышит.

<http://bllate.org/book/14268/1262194>